

БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ

ВСЕ передовое человечество отмечает сегодня 150-летие со дня рождения Виктора Гюго, неутомимого борца за мир и демократию. А на родине великого француза продажное французское правительство устранилось от какого-либо участия в этом праздновании. Этот возмутительный факт не требует комментариев.

Великий французский писатель Виктор Гюго был современником глубоких потрясений в истории своей страны. В детские годы он пережил крушение наполеоновской империи, в молодости — революцию 1830 года, в зрелом возрасте — революцию 1848 года; в старости — крушение Второй империи и Коммуну 1871 года. Больше шестидесяти лет своей жизни отдал Гюго литературному творчеству — одно из последних собраний его сочинений составляет 48 больших томов, куда входят сборники стихов, пьесы для театра, романы, речи, публицистические и литературно-критические статьи.

Объем его литературного труда представляется еще более внушительным, если вспомнить, что в области художественной формы Гюго не шел по проторенной дорожке, что он прорубил себе путь сквозь заросли литературных предрассудков, особенно укоренившихся именно на французской почве. Не ради одного только художественного новаторства Гюго, автор Предисловия к «Кромвелю», явившегося манифестом нового, романтического искусства, предпринял борьбу с литературными староженами — классицистами. Не о вкусах и не об узко эстетических преимуществах того или иного стиля ведет здесь речь Гюго. Он утверждает за художником право и обязанность изображать современность. Именно ради осуществления связи художника с современностью, с самыми насущными темами своей эпохи низвергает Гюго художественный канон классицизма.

Гюго был не только вдохновенным художником, но, прежде всего, писателем-гражданином. Вот почему страницы его книг, полные подчас безудержной фантазии, невероятных преувеличений, нередко — выпяченного красноречия, — вместе с тем служат неоспоримо ценным историческим документом. Гюго жил общей жизнью со своим народом и, если, как у истого романтика, в его произведениях всегда как бы ощущим голос самого автора, то это голос не одинокого мечтателя, а народного трибуна.

Уже в молодости отказался Гюго от монархических взглядов, которые привили ему в детстве мать и школа, и стал убежденным республиканцем. Правда, впоследствии он иногда испытывал страх перед вооруженным восстанием народных масс, одно время сблизился даже с правительством Луи-Филиппа, но весь смысл деятельности Гюго и сама природа его писательской личности показывают, что то были лишь случайные отклонения от избранного писателем, кровно близкого ему дела — защиты республики и демократии. Именно защитником республики и демократом и остался жить Гюго в памяти всего передового человечества.

Мужественность и страстность в борьбе за свои убеждения, напряженное чувство современности звучат не только в памфлетах Виктора Гюго — ими определяется и основной характер его лирики. И прокламации, которые писал Гюго, призывая французов к борьбе с оружием в руках за республиканские свободы против посягательств президента французской республики Луи-Бонапарта, метившего в наполеоны, и памфлет «Наполеон Маленький», направленный против новоявленного Наполеона III, и книга клеймивших лирических стихов «Возмездие» — каждое из этих произведений Гюго можно назвать и прокламацией, и памфлетом, и лирикой.

Гюго, как подлинный писатель-гражданин, осуществил в своих книгах полное слияние политической и лирической темы. Сборник «Возмездие» — не только стихи о возмездии, ждущем душителей народной свободы, предателей родины, — нет, каждое из этих стихотворений само уже есть акт возмездия. Карающей силы полна в них каждая строка.

Когда судорожно ища популярности, правительство Наполеона III предложило своему изгнаннику и гневному разоблачителю амнистию, поэт ответил на это гордым заявлением, что он вернется только тогда, когда во Францию вернется свобода. Так мог ответить только писатель-борец, который душой никогда не покидал своего отечества.

Таким же властным представителем народа, сильным народный правдой и сознанием пускаться еще не скорой, но верной, несомненной победы народа над скопищем своих врагов, выступает Гюго и в стихотворении 1871 года «Суд над Революцией», обращенном к буржуазным судьям-преступникам, к палачам Парижской Коммуны. При всей

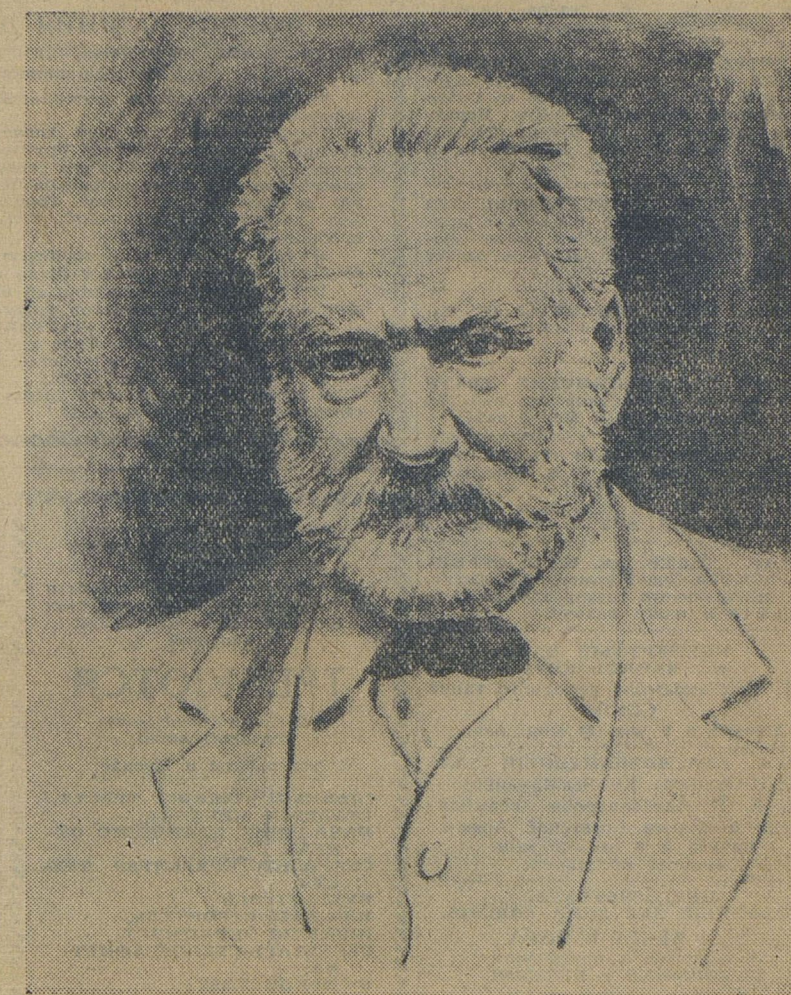

Рис. А. ЕЛАГИНА.

зволнованности и напряженности тона стихи эти полны глубокого внутреннего спокойствия, проистекающего из непоколебимой уверенности в победе народа.

Гюго в своих стихах, драмах и романах нередко обращался к историческому материалу. Но, при всей заботе писателя о соблюдении «исторического колорита», которому романтики придавали столь важное значение, далеко не одним только «историческим колоритом» ценны воссозданные Гюго картины прошлого. Они ценны прежде всего и больше всего тем, что, создавая их, писатель неизменно помнил о современности, был озабочен судьбами своего народа.

В лучших романах Гюго главный герой — народ. По поводу «Собора Парижской богородицы» автор его говорил, что главный герой его — собор. Но что такое собор, изображенный в этом романе, как не титанический, величественный образ многовековой народной жизни, как не воплощение неистощимой силы народа, его огромной творческой, созидательной силы! Недаром и судьба угрюмого звонаря Квазимодо, и судьба уличной плясуньи Эсмеральды, и вся жизнь парижской гольфубы в самые решительные моменты связи связаны с собором, этим молчаливым участником и свидетелем главнейших событий романа. Созданный трудом многих поколений безвестных зодчих и каменщиков, готический собор этот высится над средневековым Парижем, над площадью, где кишит изможденный городской люд, над королевским судом, над пыточным колесом, на котором изнемогает Квазимодо, над величественной с телом Эсмеральды — высятся грозным напоминанием о народе.

За свойственной романтизму и в высшей степени характерной для Гюго склонностью к игре фантазии, к преувеличениям, к резким контрастам, ко всему необыкновенному, исключительному чувствуется большая жизненная правда. Казалось бы, трудно изобрести более необыкновенный, более исключительный случай в жизни Жильята, героя «Тружеников моря», чем его сражение один на один с бушующей морской стихией, чем его единоборство с морским чудовищем. Правдоподобия здесь мало, а все-таки эпизод этот правдив и художественно убедителен. Секрет такой правдивости и убедительности в том, что, создавая образ Жильята, Гюго исходил из глубокой и верной мысли — живого убеждения в возможности победы человека над природой, из веры в неисчерпаемые силы человеческого благородства, воли и разума.

Народ — главный герой и романа «Отверженные». Самые страстные, самые сильные его страницы посвящены мужественным французским революционерам, защищающим свободу во время восстания 1832 года. В маленьком Гавроше, борющемся на баррикадах, Гюго показал не только озорника — дитя парижских улиц, изобретательного на веселые и остроумные шутки, на задорные песенки, — он вывел настоящего героя, отмеченного лучшими чертами французского народа, нарисовал

вдохновенный портрет борца, вдохновленного любовью к свободе, готовностью умереть за победу народного дела. Недаром Морис Торез пишет, что в романе «Отверженные» его «особенно восхищал изумительный Гаврош, насмехавшийся над солдатами правительства с высоты баррикады».

Роман «Девяносто третий год» весь посвящен героической борьбе французской революционной армии против врагов республики; его страницы дышат пламенным восторгом перед любовью к свободе, патриотизмом и мужеством простых людей Франции.

Виктору Гюго были дороги не только счастье и свобода его родной Франции, — он защищал интересы всех народов. Вот почему он так чутко откликается в своих «Восточных мотивах» на борьбу греков за освобождение от турецкого владычества, на борьбу итальянцев против владычества Австрии, на восстание кубинцев против испанских поработителей острова Кубы. Вот почему он так негодует на английских захватчиков, глумившихся над мирным населением Пекина.

Вот почему он убежденно и стойко защищает дело мира, выступает против военных колонизаторов Северной Африки, участвует в антивоенных конгрессах, разоблачает всех и всяческих поджигателей войны. Вот почему громит он правительство США за смертный приговор, вынесенный Джону Брауну, вождю негров, поднявшихся на защиту озоих человеческих прав от рабовладельцев, нагло именующих себя «республиканцами» и «демократами». «Никакой народ не вправе владеть другим народом, так же как никакой человек не вправе владеть другим человеком!». В этих словах Гюго выразилась самая основа его мировоззрения и его деятельности. В этих же словах и основа его художественной силы, непреходящего обаяния его искусства.

Литературная манера Гюго во многих своих чертах устарела еще при его жизни — ведь он был современником Бальзака, Стендаля, Флобера, современником Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Толстого, блестящего сонма великих западных и русских реалистов, утвердивших в искусстве начала простоты, чуждой всякой выпренности и мелодраматических эффектов. Однако в глубине своей творчество Гюго не только осталось живым и сильным, но приобрело еще новый смысл, стало еще действенной. Великий защитник человечества против буржуазных мракобесов и в наши дни продолжает свою борьбу. Он будет продолжать ее до тех пор, пока не будут подавлены поджигатели войны, проповедники человеконенавистничества, рабовладельцы под маской «демократов». Они распыляли память Гюго в Париже, но никакими силами не расплавить им ту «медную струну», которую великий французский поэт прибавил, как сам он об этом сказал, к своей лире и которая рождает отклик в каждом, кому дороги свобода и счастье народов.

Профессор
В. Дынный.